

— Отец со всем разберется, — неожиданно перебил Гао Юйшэна Гао Чжэньцзэ. — Ты спокойно лечись и не вмешивайся больше.

С этими словами он бросил беглый, исполненный намека взгляд на телохранителя Чжая, стоявшего у кровати. Чжай Чэнь недоуменно приподнял бровь и лишь спустя пару мгновений понял: Гао Чжэньцзэ, похоже, считал, что не стоит выносить сор из избы. В присутствии постороннего «наемного работника» говорить об этом не имело смысла.

— Он не чужой, — Гао Юйшэн мгновенно разгадал мысль отца и упорно допытывался: — Я хочу знать, как умерла мама.

Встретившись с его абсолютно спокойным взглядом, в котором не читалось ни единой эмоции, даже выдавший виды Гао Чжэньцзэ был вынужден уступить. Он снова опустился на диван и вздохнул:

— Это все дела минувших дней. Те рабочие кто умер, кто разбежался, и сейчас от расследования нет никакого толку. Шахта в Утуне давно заброшена, ты все равно ничего там не найдешь.

— Ты был к этому причастен? — Гао Юйшэн будто не слышал этих уговоров и пристально смотрел на отца.

У Чжай Чэня сердце ушло в пятки. Как он сам до этого не додумался! Когда все произошло, они уже были мужем и женой. Почему же Е Жун погибла, а этот господин Гао остался цел и невредим? Столько лет он хладнокровно молчал и ни словом не обмолвился перед Гао Юйшэном — не то пытаюсь защитить ребенка, не то чувствуя за собой вину?

Однако Гао Чжэньцзэ не проявил ни малейшего замешательства и без колебаний ответил:

— Разумеется, я принимал в этом участие. Тогда я изо всех сил пытался спасти твою мать: продал наш старый дом, чтобы выплатить тем людям компенсацию.

— Еще бы, мне тогда даже на протез денег не хватило из-за долгов твоей мамочки, — холодно вмешалась стоящая рядом Гао Вэньчжэн.

Тогда ее нога еще не восстановилась, и каждый день, проходя через адские реабилитационные тренировки, она смотрела на весь мир с лютой ненавистью. Когда эмоции бьют через край, память работает невероятно четко. Она отлично помнила события тех дней: помнила, как отец продал дом, в котором прошло ее детство, и как эти деньги ушли на погашение долгов той женщины.

Гао Юйшэн не поверил ей и с безразличным видом произнес:

— Ты просто еще не восстановилась, и тебе нельзя было носить протез.

Продажа дома, возможно, и была правдой, но семья Гао не могла обеднеть до такой степени, чтобы не позволить себе протез. Когда он вернулся в семью Гао, они по-прежнему жили в роскошном двухуровневом особняке, а еда и быт были в разы лучше, чем в Жилом квартале Горного бюро.

Гао Чжэньцзэ сперва подумал, что дочь решила за него вступиться, и не стал ее перебивать. Кто же знал, что ее слова окажутся настолько несуразными? Из-за такого откровенно глупого «союзника» его недавнее признание мгновенно потеряло убедительность, и даже правда

теперь выглядела сомнительно.

Пришлось добавить подробностей, чтобы доказать свою невиновность:

— Я выплатил зачинщикам беспорядков несколько миллионов. Все уже утихло, но эти люди нарушили обещание: забрав деньги, они снова явились с угрозами и даже грозились похитить тебя. Опасаясь беды, я спрятал тебя.

Шахтеры были людьми необразованными и во всем слушались заводил. Пятнадцать лет назад несколько миллионов составляли целое состояние, которого с лихвой хватило бы, чтобы заткнуть рты подстрекателям. Когда зачинщиков подкупили, волнения должны были прекратиться. Но кто мог знать, что, получив деньги, они затихнут лишь на пару дней, а потом снова дадут о себе знать?

Ни убеждения, ни деньги не помогли, и эта нескончаемая травля в конце концов сломала Е Жун.

Гао Юйшэн замолчал, словно взвешивая правдивость слов отца.

Несколько миллионов... зачинщики беспорядков...

Чжай Чэнь внезапно вспомнил тех двоих бедолаг, которых ограбил Яоцзы со своей бандой.

Тогда юный Яоцзы вместе с Братом Ху совершил налет на микроавтобус, шедший из провинциального центра в Уезд Утун. Те двое «жирных карасей» несли туго набитые рюкзаки и выглядели невероятно дергаными — они резко выделялись на фоне остальных пассажиров, поэтому Брат Ху вытащил их из автобуса первыми. В рюкзаке оказалось около миллиона наличными и два куска руды Снежного золота.

Раньше они предполагали, что жертвами Яоцзы и его поделщиков могли быть торговцы драгоценными камнями, но теперь казалось, что это как раз те самые зачинщики. В конце концов, торговцы камнями были богаты и не стали бы рисковать жизнью ради такой суммы. А вот если это была компенсация от Гао Чжэньцзэ, то отчаянное сопротивление тех двоих становилось вполне понятным.

Он опустил голову, встретился взглядом с Гао Юйшэном и беззвучно артикулировал губами: «Яоцзы».

Гао Юйшэн едва заметно кивнул — судя по всему, он догадался о том же:

— И поэтому мама выбросилась из окна?

Гао Чжэньцзэ вздохнул:

— Она всегда была невероятно упрямой женщиной, ее и упряжкой лошадей нельзя было сдвинуть с места... Отец виноват перед тобой.

От этой сцены отцовской любви, сыновней преданности и фальшивой скорби о супруге Гао Вэньчжэн едва не тошнило:

— Говоришь так, будто она пошла на смерть как героиня. За нечестно нажитое богатство всегда приходится расплачиваться.

Чжай Чэнь резко поднял голову:

— Госпожа Гао, следите за выражениями.

Пощечина прозвучала звонко и неожиданно. Не успел Гао Юйшэн и глазом моргнуть, как Гао Чжэньцзэ со всего размаху ударил Гао Вэньчжэн по лицу. На щеке старшей дочери семьи Гао, покрытой изысканным макияжем, мгновенно расплылось яркое красное пятно. Она уставилась на отца с полным изумлением.

Гао Чжэньцзэ холодно смерил взглядом распустившую язык дочь:

— Мать Юйшэна — и твоя мать тоже! Что за дикость ты несешь?

Ей уже перевалило за тридцать, а ее бьют на глазах у посторонних! Как надменная барышня могла такое вытерпеть? Гао Вэньчжэн прижала руку к горячей щеке, ее глаза покраснели, и она визгливо выкрикнула:

— Да она просто любовница, какая еще мать! Я не признаю ее!

Услышав слово «любовница», Гао Юйшэн мгновенно напрягся, но Чжай Чэнь тут же мягко прижал его, не давая двинуться. С трудом удалось притупить боль обезболивающими, так что волноваться ему сейчас было категорически нельзя. Почувствовав, как тело под ладонью слегка дрожит, Чжай Чэнь переместил руку ему на спину и стал успокаивающе поглаживать.

— Заткнись! — Гао Чжэньцзэ покраснел от гнева.

— А разве я не права? Если бы ты не путался с Е Жун, разве моя мама слегла бы с тяжелой болезнью и умерла так быстро? — Похоже, пощечина окончательно лишила Гао Вэньчжэн самообладания, и она молола все подряд.

— Гао Вэньчжэн! — выкрикнул отец по имени и фамилии, дрожа от ярости.

Гао Вэньчжэн не собиралась стоять и ждать новых ударов. Попятившись на пару шагов, она ткнула тростью в сторону Гао Юйшэна:

— Ты ударил меня ради этого ублюдка? Оценил его и собрался передать ему все семейное дело? Папа, ты забыл, что твоим лучшим сыном был Гао Исяо?! А ты помнишь, как умер Исяо?!

Гао Чжэньцзэ схватился за грудь. Посинев от гнева, он пошатнулся, сделал шаг назад и, казалось, вот-вот упадет в обморок.

— Папа! — перепугалась Гао Вэньчжэн и бросилась его подхватить.

Гао Чжэньцзэ оттолкнул ее руку и лишь спустя несколько жадных глотков воздуха немного пришел в себя:

— Сколько раз я тебе говорил: смерть твоего старшего брата не имеет к Е Жун ни малейшего отношения!

— Раз папа говорит, что не имеет, пусть так и будет. — Выплеснув эмоции, Гао Вэньчжэн опомнилась. Похоже, убоявшись, что отец и вправду зайдется от гнева, она не стала спорить. Взяла со стола сумочку и снова надела шляпку с черной вуалью, опустив сетку, чтобы скрыть вспыхнувшую щеку.

Поправив подол платья и трость, она снова превратилась в элегантную и высокомерную барышню Гао:

— Можете быть спокойны: что бы я ни думала, я ни за что не причиню вреда вашему драгоценному наследнику.

С этими словами она, даже не глянув на бледного Гао Юйшэна на больничной койке, развернулась и пошла прочь, звонко цокая тонкими каблуками.

Чжай Чэнь легкими движениями поглаживал спину Гао Юйшэна и одобрительно кивнул:

— Твоя сестра права. Думаю, это сделала не она: в конце концов, лающая собака не кусает.

Гао Вэньчжэн, только что взявшаяся за дверную ручку, замерла. Она обернулась и метнула в него убийственный взгляд:

— Ты кого это оскорбляешь?!

Чжай Чэнь сделал абсолютно невинное лицо, поглядел по сторонам и указал пальцем на себя:

— Я? Кого я оскорбил?

— Ты кого собакой назвал?! — Гао Вэньчжэн отпустила ручку двери и набросилась на него с воинственным видом. На одной ноге у нее был протез, при этом обутый в туфлю на тонкой шпильке. Если она шла медленно, это выглядело нормально, но стоило прибавить шаг, как походка становилась неуклюжей и прихрамывающей. От недавнего изящества не осталось и следа.

Чжай Чэнь подхватил барышню Гао, едва не полетевшую на кровать, крепко зафиксировав ее руки, чтобы она не упала прямо на Гао Юйшэна, и со всей серьезностью пояснил:

— Я говорил вовсе не о вас. Я сказал: «лающая собака не кусает». Вы кричите так громко, так что уж точно под мое описание не подходите.

— Хватит! Уходишь — так уходи скорее, не мозоль мне глаза! — Гао Чжэньцзэ снова опустился на диван и со всей силы хлопнул ладонью по журнальному столику.

Гао Вэньчжэн вырвала руку из хватки Чжай Чэня и одарила свирепым взглядом Гао Юйшэна, который с интересом наблюдал за представлением с кровати. Пусть не думает, будто она не заметила, как этот маленький ублюдок только что ухмыльнулся! Это он наверняка подговорил своего телохранителя устроить эту сценку.

Старшая сестра, стуча тонкими каблуками и наконечником трости, ушла прочь.